

Василий Ульяновский

УКРАИНСКИЕ СЮЖЕТЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ ВЛАСЬЕВИЧА АЙНАЛОВА

Для многих название статьи покажется весьма странным. Какие “украинские сюжеты”? Пользовался ли Айналов вообще термином/определением/названием/словом “Украина”, “украинский”? Не собирается ли автор “украинизировать” выдающегося российского ученого? Отчасти эти вопросы, могущие возникнуть именно у российских коллег, и стали причиной того, что автор решил писать об “украинских сюжетах” на русском языке. Впрочем, во времена Айналова это было далеко не новостью даже для убежденных украинцев (в смысле их однозначной самоидентификации), начиная от всем известного историка запорожского казачества Д. Эварницкого (Яворницкого), его коллеги Я. Новицкого и многих других.

Прецедентом для такой постановки вопроса стал факт приглашения руководством Постоянной комиссии Всеукраинской Академии наук для составления Биографического словаря деятелей Украины в 1930 г. Д. Айналова написать свою автобиографию и составить список трудов для включения в этот словарь¹. Более того, не столько факт этого приглашения (члены Комиссии весьма расширительно понимали круг “деятелей Украины”, о чем скажем ниже), сколько положительный ответ на это Дмитрия Власевича и присланная им автобиография. Именно данный факт свидетельствует, что сам выдающийся искусствовед считал возможным вписать себя в число “деятелей Украины”². При этом именно для киевского словаря ученый написал более подробную и полную автобиографию, нежели для ленинградских учреждений (сохранившийся в его архиве текст)³.

Почему же Айналов решился на свою “украинскую контекстуализацию”? Как нам представляется, ответ на этот вопрос находится в концепции М. Могилянского – непосредственного руководителя Комиссии по Биографическому словарю деятелей Украины – кого именно можно отнести к “деятелям Украины”. Дмитрий Власевич подпадал сразу под несколько параметров этой концепции: был рожден на территории, которая

¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 60, л. 1–4.

² Автограф автобиографии Д. Айналова датирован 7 июня 1930 г. (ИР НБУВ, ф. X, ед. 4764, л. 1–7 (с оборотами). Текст публикуется в настоящем сборнике Д. Гордиенко.

³ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 168, л. 1–3; ИИМК РАН (СПб.). ОР, ф. 2, оп. 3, ед. 9, л. 13–14.

в то время (1930 г.) была составной частью Украины (официально местом рождения ученого назывался Мариуполь), занимался древнерусским искусством киево-русского периода (история Киевской Руси в границах современной Украины воспринималась как неотъемлемая часть общей истории Украины) и был выдающимся ученым “каким-либо образом касающимся Украины”, имевшим европейскую известность своими трудами⁴. Все эти три начальных пункта в определении “деятели Украины”, представленном М. Могилянским, “накладывались” на Айналова стопроцентно. Самой большой проблемой было как раз творчество. Считал ли Айналов историю Киевской Руси “украинской составной”? Создатели Словаря однозначно таковой (притом только украинской) ее считали⁵. У Айналова термин “украинский” встречается, кажется, лишь в неизданной рукописи, посвященной истории украинского искусства XIV–XVIII вв.⁶ Эта работа создавалась в то время, когда в жарких баталиях обсуждался вопрос о “древнерусской народности” как единстве восточнославянского содружества россиян, украинцев и белорусов, которое “обрушилось” именно в XIV в., что привело к “разделению” народностей и их вхождению в разные государственные объединения⁷. Кроме того, концептуально вопрос заключался в этническом или территориальном подходе к истории Украины. В случае с Комиссией и самим Айналовым речь шла о территориальном концепте Украины, в свете которого историей Украины считались все события от самого появления первобытного человека на данной территории. Как представляется, Д. Айналов именно так и воспринимал тот факт, что история Киевской Руси и ее искусства – это история Украины, в такой же степени, как и России или Белоруссии. Однако его личная самоидентификация, конечно же, была исключительно русская, хотя он и родился на территории, принадлежащей Украинской ССР. Для него вопрос сознательной самоидентификации и “приписок/прописки” не стоял, как и вопрос о физическом проживании в определенные периоды жизни в Украине и частичной принадлежности тематики своих трудов украинской истории.

⁴ ИР НБУВ, ф. X, ед. 5151, л. 1.

⁵ См.: *Ляшко С.М.* Українські біографічні довідкові видання XIX–XX ст.: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя, 2010.

⁶ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 40, л. 1–22.

⁷ См.: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005; *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображенная или реальная. СПб., 2005, и полемические заметки Н. Юсовой на эту книгу: *Молода нація. Альманах*, 2005, № 4, с. 187–200.

Итак, свою жизнь и творчество Д. Айналов “уделял” и России, и Украине. Наверное, если бы он получил приглашения из Греции, Италии, Франции и других европейских и не только европейских стран, то и в их национальные энциклопедии послал бы свои биографические данные, поскольку самое важное в его жизни – творчество ученого – касалось искусства почти всей Европы, части Азии и Африки, то есть, всего христианского мира, античности, а также восточных древностей. Однако к Украине он имел прямое отношение, также как к территории не краткосрочного, хоть и временного обитания и образования, посему не только творчество, но и определенные жизненные циклы Айналова также были связаны с Украиной. Все это некоторым образом “оправдывает” не только самого Дмитрия Власевича, пославшего свою автобиографию для Словаря деятелей Украины, но и автора данных строк в нестандартной постановке вопроса жизнеописания выдающегося ученого.

Начнем с “украинских сюжетов” именно в жизни Д. Айналова. Здесь изначально мы сталкиваемся с почти детективным, если не комическим, сюжетом разного определения самим ученым места своего рождения. Вслед за неоднозначностью указаний самого Айналова пошли и его современники, в частности авторы некрологов⁸. В большинстве случаев указывается, что Дмитрий Власевич родился 8 февраля 1862 г. в г. Мариуполе Екатеринославской губернии в купеческой семье. Сам Айналов в автобиографии, сохранившейся в его архиве, также указал первоначально Мариуполь, а затем зачеркнул и написал Кострома⁹. О Костроме как своем месте рождения сообщил ученый и в учетной карточке из личного дела Эрмитажа¹⁰. Заполняя анкету для Комитета по изучению научных сил России в 1931 г., Айналов указал местом своего рождения Полтаву (!)¹¹ Почему произошли такие разночтения, и может ли Айналов считаться уроженцем Украины? Можно предполагать, что сведения о своем рождении ученый получал от матери и сестер, последние, по-видимому, по разному вспоминали о месте рождения брата – так возникли Кострома и Полтава. Семья действительно “странствовала”, поскольку лишилась

⁸ Брунов Н. Памяти Д.В. Айналова (1862–1939) // Архитектура СССР, 1940, № 3, с. 66–67; Жебелев С. Памяти Д.В. Айналова (1862. П. 21 – 1939. XII. 12) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1940, № 3, с. 133–135; Алтаев М. Д.В. Айналов // Искусство, 1940, № 1, с. 172–174; Каргер М.К. Д.В. Айналов (1862–1939) // КСИИМК, 1940, вып. 4, с. 3–5; Банк А.В. Айналов Д.В. // СГЭ, 1940, № 2, с. 28 и др.

⁹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 168, л. 1.

¹⁰ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Ред. И.П. Медведев. СПб., 1995, с. 261–262, прим. 15.

¹¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 155, оп. 2, ед. 8, л. 128.

кормильца-отца. Мариуполь же стал чуть ли не последним местом пребывания вдовы с детьми, и здесь Дмитрий обучался в классической гимназии. Именно эта память о Мариуполе могла быть “личной” осознанной памятью Айналова, поэтому он и считал изначально местом своего рождения Мариуполь. Кострома и Полтава “возникли” спонтанно, по-видимому, из воспоминаний членов семьи ученого. Напомним, что Кострома была обозначена в анкетах для ленинградских учреждений – для них он был русским и по рождению. А что же Айналов сообщал в своей автобиографии для Слова деятелей Украины? Вот его слова: “Родился в 1862 году в г. Мариуполе Екатеринославской губ.”¹². Таким образом, в соответствии с концепцией определения “деятелей Украины” создателей Словаря, Айналов четко подпадал под определение “рожденный в Украине”.

Если с местом рождения у самого Айналова существует некая путаница, поскольку его метрическое свидетельство (о крещении) не найдено, то образование, как среднее, так и высшее, он все же получил в Украине (в территориальном смысле на время составления Словаря). Как уже указывалось, в Мариуполе Дмитрий закончил классическую гимназию (1884 г.), а в Одесе – историко-филологический факультет Новороссийского университета (1884–1888), где под руководством Н. Кондакова специализировался по истории искусств.

На этом, собственно, и закончился “первый украинский период” в жизни Айналова, поскольку с начала 1889 г. он, вслед за учителем (Кондаковым), переехал в Петербург, где был “прикомандирован” к Петербургскому университету для подготовки к профессорскому званию без содержания (стипендии). Лишь эпизодически затем он пребывал в Украине. В частности, летом 1890 г. Айналов получил оплачиваемую Одесским обществом истории и древностей командировку для изучения памятников древности в Херсонесе и Керчи, где описывал греческие надписи, крест VII в. из Херсонеса, частные коллекции и пр. Тогда же императорское Русское археологическое общество (далее – РАО) поручило ему составить карту монетных и вещественных кладов Киева¹³. Сохранился, в частности, черновик отчета ученого о работах в Киеве¹⁴.

С нового учебного года 1890 г. Д. Айналов был избран и утвержден приват-доцентом по кафедре теории и истории искусств Казанского университета. Однако вскоре ученый получил командировку за границу

¹² ИР НБУВ, ф. X, ед. 4764, л. 2.

¹³ ИР НБУВ, ф. X, ед. 4763–4764, л.1–1об.

¹⁴ СПб. филиал Архива РАН, ф.737, оп. 1, ед. 159.

и на несколько лет осел в Западной Европе, занимаясь особо изучением итальянских мозаик¹⁵. Кстати, в одной из этих поездок он познакомился в Риме с М. Нестеровым, который изучал итальянскую живопись, готовясь к работам по новым росписям киевского Владимирского собора (перед поездкой он уже создал известные образы святых) и изготовлении мозаик церкви Спаса на крови в Петербурге. Художник вспоминал об этом: “Скоро мы сошлись с Айналовым ..., виделись ежедневно. Айналов много мне способствовал своими занятиями и советами ... Благодаря Айналову, я осмотрел те церкви, коих не было в списке, данном мне Праховым”¹⁶. В свою очередь, ученый с интересом слушал размышления об итальянской живописи художника, замечая, что “художники смотрят на живопись иначе, чем историки искусства, и поэтому обмен мнениями был для меня очень интересен”¹⁷. Эта встреча важна для нас в том смысле, что оба затем много времени, сил и творческого потенциала посвятили именно Киеву каждый в своей области, и их римские встречи и собеседования для обоих были моментом накопления “интеллектуального и эстетического капитала”.

Айналов увлекался многим: римскими мозаиками, творчеством Рафаэля и Леонардо да Винчи, византийскими памятниками Афона, Турции и важнейших центров Греции, мавританско-испанским, древнероманским и романо-готическим искусством. Все это ему в последующем очень помогало в изучении древнерусского искусства, в частности, памятников Украины. Сам Дмитрий Власьевич считал, что для ученого “по нашим условиям, переход от античного мира к средневековому, в особенности византийскому, вполне законен, естествен”¹⁸. Посему, как и его учитель Н. Кондаков, Айналов от Востока, античности, Византии и Возрождения перешел к изучению древнерусского искусства, на “новый этап достижений методологического характера”¹⁹.

Не случайно даже во время защиты докторской диссертации (1900 г. Московский университет) “Эллинистические основы византийского искусства”, он заявил, что с этой темой “мы подходим близко к вопросу об источниках и характере древнерусского искусства”²⁰.

¹⁵ Подробнее см.: *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 264–265.

¹⁶ *Нестеров М.В.* Воспоминания. М., 1989, с. 207–209.

¹⁷ РНБ (СПб.). Отдел рукописей, ф. 608, оп. 1, ед. 506, л. 20–20об.

¹⁸ *Айналов Д.В.* Академик Н.П. Кондаков как историк искусства и методолог // Н.П. Кондаков. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласовой. М., 2002, с. 330.

¹⁹ Там же, с. 340.

²⁰ Речь на докторском диспуте. СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 19, л. 11.

Не случайно также, что еще в Казани Айналов начал читать курсы по русскому искусству до XVI в.

В последние три года пребывания в Казани ученый активно работал над древнерусскими сюжетами, в частности о Киеве X–XI вв. и о “Слове о полку Игореве”²¹. Особое внимание Айналова привлекла поездка княгини Ольги в Царьград и знаменитое блюдо, считавшееся ее даром в Св. Софию. Сам исследователь полагал, что эта его работа является переходом в изучение древней Руси: “Это мой переход к русским древностям”²². В 1902 г. на Археологическом съезде в Харькове ученый сделал два доклада именно об этом: “Поездка Ольги в Царьград и древняя цареградская жизнь”, “Мраморы и инкрустация Киево-Софийского собора” (см. ниже). А в следующем году, после перехода в Санкт-Петербургский университет, прочитал там вступительную лекцию “Летопись о начальной поре русского искусства”. Во всех этих “древнерусских студиях” Айналову очень помогали его познания, почерпнутые в Италии, Константинополе и Греции, и в первую очередь – материалы по византийскому искусству. К стати, все путешествия ученого в Константинополь, в Грецию и на Афон проходили через Украину, поскольку корабли отправлялись из Одессы²³. Таким образом, постоянно отправляясь на христианский Восток и в столь любимую Византию, Айналов проходил почти путь “из варягов в греки”, нередко заезжая по дороге в Киев и Чернигов с их памятниками “византийских окраин”. Склонность ученого к древнерусским сюжетам, в частности, древностям киево-русского времени, заметили даже не специалисты. В частности, киевский профессор М. Довнар-Запольский в 1902 г. предложил Айналову написать для готовившейся под его редакцией “Книги для чтения по русской истории” раздел по истории искусства Киевской Руси²⁴. Искусствовед принял предложение и дополнительно представил для публикации в этом же издании отдельное исследование о путешествии княгини Ольги в Царьград (обе работы вышли в 1904 г., см. ниже). В том же 1902 г. Айналов, по поручению Московского археологического общества, ездил в Киев для изучения и описания икон коллекции епископа Порфирия (Успенского), а также исследования мраморной резьбы древних киевских храмов.

²¹ *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 271–272.

²² Цит. по: *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 272.

²³ См. дневники путешествий с соответственными описаниями: СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 15.

²⁴ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 32, л. 1–3.

Важно отметить также то, что с Киевом его постоянно связывали “узы творчества”. В основе этих связей были музей и его творец. Речь идет о знаменитом Церковно-археологическом музее при Киевской Духовной Академии, сосредоточившем более 40 тыс. предметов разных времен и из разных стран христианского мира, а также его “душа, голова и сердце” – профессор Николай Иванович Петров²⁵. Коллекции ЦАМа привлекали многих ученых (в том числе Н. Кондакова). Д. Айналов также изучал, анализировал, публиковал немало предметов христианского искусства из этого Музея. Поскольку же он не мог часто лично посещать Киев, то его переписка с Н. Петровым была обширной и неизмеримо интеллектуально насыщенной²⁶. Таким образом, “виртуальная” связь с Киевом через ЦАМ, его уникальные экспонаты “византийской традиции” и личность Н. Петрова была почти непрерывной. Из этой переписки возникали целые сюжеты исследований и сами исследования Айналова. Выясняется, что уже со времен студенчества, когда ученый писал первую работу о Софийском соборе, он изучал и экспонаты ЦАМа (Айналов вспоминал о своих зарисовках 1889 г.). Затем при каждом посещении Киева обязательно старался побывать в Музее, чтобы лично “осязать” изучаемые по своим старым зарисовкам и заметкам экспонаты. Увиденные в ЦАМе замечательные памятники христианского искусства “не отпускали” Айналова, и мысленно он бывал в Киеве так часто, как часто обращался к определенным сюжетам. В частности, с 1898 г. Айналов активно занимался изучением энкаустических икон коллекции епископа Порфирия (Успенского), переданной в ЦАМ, мозаической иконкой св. Николая и резным (по слоновой кости) образом Богородицы с младенцем из коллекции А. Муравйова (также в ЦАМе)²⁷. Не менее интересно, что энкаустические иконы ЦАМа Айналову были нужны для сопоставления с двумя подобными иконами, находившимися в родном для него Мариуполе. В этом вопросе “соединились” Киев и Мариуполь, но посредством ранневизантийской иконописи, что весьма символично во многих смыслах жизни и творчества ученого – свидетельство его поликонтекстуальности.

Подчеркнем, что его исследования русско-византийских культурных связей “проходили” через Киев уже с 1900 г., когда ученый регулярно

²⁵ О ЦАМе и Н. Петрове см.: Микола Петров. Скрижали пам’яті. К., 2003; Микола Петров. Скрижали пам’яті. Коментарі та додатки. К., 2003.

²⁶ Впервые опубликована нами в книге: Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 129–136. Новая публикация осуществлена в настоящем сборнике О. Файдой.

²⁷ Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 129–130.

списывался с Н. Петровым именно по данной проблематике. Как видно из писем, именно в этом году Айналлов начал комплексное исследование, сообщая 21 июня 1900 г. Петрову, что тема распадается на несколько отдельных сюжетов: Царьград в IX–XII вв., Киев в IX–XII вв., Русь и Царьград, прием послов и князей при царьградском дворе, в частности княгини Ольги²⁸. Айналлов буквально “заболел” этой тематикой, а княгиня Ольга просто “преследовала” ученого. И он постоянно писал в Киев Петрову, прося у Николая Ивановича фотографии, словесные описания, уточнения, новые издания (главным образом, публикации экспонатов ЦАМа). Это очень важная “составная” как жизни (своеобразное дистанционное пребывание в Киеве, находясь в Казани), так и творчества Айналлова, которую не только нельзя игнорировать, но и следует специально изучать (и не только в отношении Киева, а также во всех других случаях дистанционного “присутствия” через конкретные памятники искусства и коллег).

В частности, “черные иконы” (так называли энкаустические иконы коллекции Порфирия Успенского) крепко удерживали внимание и интерес Айналлова. И если изначально были идентифицированы как энкаустические две иконы (при помощи Кондакова и Айналлова), то позже сам Петров идентифицировал еще две. Айналлов сразу же возжелал иметь их фотографии и точное описание всех параметров. Одновременно (все тот же 1900 г.) его сильно заинтересовали фрески развалин так называемой Юрьевой божницы (уцелевшая апсида церкви архангела Михаила, расписана в 1098–1125 гг. при Владимире Мономахе, упоминается в летописи под 1151 г. и связывается с Юрием Долгоруким) в Остре Черниговской губернии²⁹, которые (фрески с изображением Богоматери и двух архангелов, Евхаристии и святителей) стали широко известными в конце 90-х гг. XIX в.³⁰. Искусствовед пытался также разобраться с иконографией Печерской (Свенской) Богоматери, а также очень желал изучить пребывающую в драгоценном окладе над царскими воротами Успенского собора Киево-Печерской Лавры старинную икону Успения, однако добиться снятия оклада с этого важного для монастыря сакрального образа было совершенно нереально³¹.

Однако больше всего Айналлова “задела” икона св. княгини Ольги с каким-то предметом в руках. Именно благодаря письмам к Н. Петрову с конца 1900 г. можно видеть, как развивается этот сюжет, как Айналлов

²⁸ Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 130.

²⁹ Там само, с. 131–132.

³⁰ Константинович М. Развалины Юрьевской божницы в с. Старогородке // Киевская старина, 1896, № 11, с. 129–139.

³¹ Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 133.

интуитивно приходит к дару Ольги Софии Константинопольской, как ищет подтверждения своей гипотезы и на иконах княгини Ольги. Ученый изначально был убежден, что речь идет об описанном Антонием Новгородским “блюде” книги Ольги, виденном им в царьградской Софии. Айналов писал Петрову 18 декабря 1900 г.: “Икона Ольги не дает мне покоя”³². Мысль его пульсировала с неимоверной силой: ученый был уверен, что почти нашел и само “Ольгино блюдо”, а также, пусть и позднее, изображение “реального” сюжета – “Ольга пред Патриархом”³³.

Все это “горение” древнерусскими сюжетами и киевскими предметами старины (хоть в значительной мере далеко не киевского происхождения – экспонаты ЦАМа) было на некоторое время приглушено зарубежными поездками и исследованием “иных миров” в жизни и творчестве. Тем не менее, после многочисленных заграничных командировок и изучения античного и средневекового искусства разных стран Европы, Айналов прилагал полученные знания к новому исследованию памятников Херсонеса по заданию Московского археологического общества (1904–1905 гг.), где открыл три греческие надписи, из которых “одна в 41 строку представляет замечательный херсонесский декрет IV столетия”, а также некоторые мраморные памятники античного и византийского времени³⁴. В автобиографии 1930 г. Айналов отмечал, что составил описание мраморов Херсонеса, “до сих пор не изданное” – “обширный научно обработанный каталог мраморов, готовый к печати, находится в моем портфеле”³⁵ (эта рукопись в архиве ученого в настоящее время отсутствует, сохранился лишь первичный вариант³⁶). Среди рукописей ученого сохранилась также работа “Уваровская базилика и ее комплекс с крещальной в Херсонесе”³⁷. Из переписки Айналова видно, что побуждала его к дальнейшему изучению херсонесских памятников графиня П. Уварова³⁸.

Айналов использовал любую возможность, чтобы вырваться из далекой не только от Византии, но даже от Древней Руси Казани и заняться любимыми темами по истории искусства. “Казанский плен” (или, как он выражался, “казанское сидение”) угнетал ученого, он часто жаловался

³² Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 133.

³³ Там само, с. 133.

³⁴ ИР НБУВ, ф. X, ед. 4764, л. 5.

³⁵ Там же, л. 5об.

³⁶ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 101, л. 713–723.

³⁷ Там же, оп. 1, ед. 92.

³⁸ Анфертьева А.Н. Указ. соч., с. 272–273. См. письма П. Уваровой к Д. Айналову за 1902–1907 гг.: СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 93.

своим друзьям и коллегам (в письмах) на затхлость атмосферы, на оторванность от цивилизации. В связи с этим у Н. Кондакова возникла идея перевести ученика на Украину, в Харьковский университет, где уже находился Е. Редин. И. Цветаев же туманно обещал ученому перевод в Москву. Но оказалось, что его ожидал Петербургский университет, куда Айналов попал не без значительных усилий многих близких ему лиц (против избрания Дмитрия Власевича выступил известный исследователь киевских древностей, руководитель реставрациями Кирилловской церкви, Софийского собора и росписями Владимирского собора А. Прахов)³⁹. Став 11 июля 1903 г. ординарным профессором Петербургского университета, Айналов избрал темой своей первой актовой речи не римские мозаики (магистерская диссертация), не эллинистическое влияние на византийское искусство (докторская диссертация), а древнерусскую тематику – “Летопись о начальной поре русского искусства” (о капищах, болванах-кумирах, др. артефактах дохристианского искусства)⁴⁰. В числе его курсов за все время университетского преподавания ведущее место занимал курс истории древнерусского искусства до XVI в. Своих студентов он неизменно возил на “археологические экскурсии” в Киев и Чернигов с заездами в имение Айналова в Козельце.

Летом 1906 г. ученый получил командировку от РАО для изучения церковной архитектуры в Киев, Чернигов, Овруч, Остер, Переяслав. Он изучал архитектуру церквей домонгольского периода, сделал много зарисовок и фотографий. Немалое количество фотографий киевских и черниговских древностей сохранилось в его архиве⁴¹. Все эти собранные материалы были положены в основу его специального доклада об архитектуре черниговских храмов (см. ниже). Теперь он посещал и Киев, и Чернигов, и остальные древнерусские города в компании своих учеников и последователей. Вместе они делали важные открытия (например, в Новгороде). Несколько раз вся “айналовская компания” посещала и работала в ЦАМе у Н. Петрова. При этом Дмитрий Власевич писал киевскому коллеге: “Как много у нас материала для науки, и как мы мало работаем, как мало знаем, особенно я!”⁴² Этой фразой было очень много сказано. Но самое главное состояло в неистребимой и с годами так и не заполняемой жажде знаний, которых всегда было недостаточно, мало, они

³⁹ Подробнее см.: *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 274–276.

⁴⁰ *Айналов Д.В.* Летопись о начальной поре русского искусства // Отчет о состоянии и деятельности имп. Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904, прил, с. 1–33.

⁴¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 147, л. 1–163.

⁴² Микола Петров... Коментарі та додатки., с. 135.

всегда оказывались неполными и порождали некое сожаление об ограниченности своих возможностей в стиле известной фразы Экклезиаста об умножении познания и скорби.

Почти каждое лето Айналов ездил “в свою усадьбу” в Козелец Черниговской губернии, где с 1907 г. он приобрел дом с приусадебным участком. С этого времени его “украинские сюжеты” в жизни стали более-менее регулярными, хотя и кратковременными. Так, в 1912 г. он приглашал к себе в Козелец исследователя древнего Вышгорода В. Ляскоронского для обсуждения книги последнего о Вышгороде, обещая взять “на этот случай и материалы по Киеву и русским древностям”⁴³. Из Козельца Айналов путешествовал в ближние Чернигов и Киев – “хочу специально снова видеть Киев по многим вопросам”, где собирался “много посмотреть с разных точек зрения”⁴⁴. Здесь, в Козельце, часто жили и его ученики, коллеги, друзья, с которыми так приятно было обсуждать искусство вообще и древнерусское в особенности, поскольку оно пребывало буквально “под боком”, его можно было созерцать, рассматривать, обмениваться мнениями возле самих памятников. Все это исподволь “привязывало” Айналова к Украине, которую он чувствовал уже и на бытовом, и на языковом уровнях.

Символично, что именно в 1907 г. Н. Петров написал Айналову о новой важной находке – резной пластинке слоновой кости. Именно Дмитрий Власевич датировал ее VI в. и загорелся необычайно. Для него открывалась “дверь” в новое детективное исследование: Айналов попытался найти разные фрагменты единого оклада, частью которого была киевская пластинка. Это напомнило ему подобное расследование относительно Равеннского оклада Евангелия, фрагменты которого он отыскал в Риме, Лондоне, Петербурге и Равенне. Киевскую пластинку он также считал честью оклада и уже знал, где находится другая подобная пластинка того же оклада. Айналов просто не мог найти слов для благодарности Н. Петрову за сообщение об уникальной по своему мастерству пластинке: “Очень, очень благодарен Вам за извещение о такой важной находке”⁴⁵. Петров, в свою очередь, также был благодарен Айналову за ценные консультации, указания и саму науку работы с памятниками иконографии, в частности энкаустическими. В изданном им альбоме синайских и афонских икон коллекции Порфирия Успенского киевский ученый

⁴³ ИР НБУВ, ф. III, ед. 47299, л. 6.

⁴⁴ Там же, л. 6–6 об.

⁴⁵ Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 134.

искренне благодарил своего петербургского коллегу⁴⁶, который в ответ писал ему: “Спасибо, что и меня помянули”⁴⁷.

В 1914 г. Д. Айналов был избран членом-корреспондентом имп. Академии наук, а в следующем году, к 25-летию юбилею творческой деятельности ученого, его ученики издали сборник статей. Примечательно, что практически все они были посвящены памятникам именно древнерусского искусства времен Киевской Руси⁴⁸.

В 1916 г. Айналов перенес тяжелую операцию и с апреля 1917 г. перебрался в Козелец для поправления здоровья – украинская земля и климат оказались для него весьма целебными. Здесь его застала революция и все последующие бурные события политической и общественной жизни. 1917–1918 и частично 1919 гг. Д. Айналов провел в Козельце (информация об этом содержится в письмах к С. Жебелеву⁴⁹). Здесь ученый пытался философски осмыслить происходящие необратимые и пугающие изменения общества (философские зарисовки под титулом “Ужас” и др.)⁵⁰. Выезд в Петроград был невозможен даже по техническим причинам: отсутствовало железнодорожное соединение. В Козельце Айналов пережил смену всех собственно украинских властей и властей в Украине: Украинскую Центральную Раду, большевистский режим, немецкую оккупацию, Гетманат Павла Скоропадского, Директорию Украинской народной республики, Добрармию генерала Деникина.

Некоторое время Айналов жил в Киеве и был приглашен для преподавания в Киевский археологический институт, а также в созданную при митрополите Антонии (Храповицком) Комиссию по реставрации Софийского собора⁵¹. 1917-м годом датированы сделанные для Айналова киевским фотографом Аршеневским фотографии мозаик и фресок Софии Киевской, Кирилловской церкви, храма Спаса на Берестове⁵². В то самое время (письмо от 5 сентября 1917 г.) его ученик К. Шероцкий (Широцкий), оправдывая свое пребывание в Киеве, а не Петрограде, писал

⁴⁶ Альбом достопримечательностей Церковно-археологического Музея при Киевской Духовной Академии. Коллекция синайских и афонских икон Преподобного Порфирия Успенского. К., 1912.

⁴⁷ Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 135.

⁴⁸ Дмитрию Власьевичу Айналову от учеников к двадцатипятилетию его ученой деятельности. Пгр., 1915.

⁴⁹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 729, оп. 2, ед. 1, л. 134–159.

⁵⁰ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 120

⁵¹ *Чередніченко А.М.* Ф.І. Шміт та історія заснування Софійської комісії // Софійські читання 2005 р. К., 2007, с. 374.

⁵² СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 145, л. 1–163.

учителю: “Теперь Киев особенно нуждается в том, чтобы кто-либо своими малыми силами оставался на страже его культурно-художественных интересов, здесь совершаются великие дела, и хотелось бы не только быть свидетелем происходящего, но и участником...”⁵³. По-видимому, Айналов был в Киеве недолго, ибо уже в конце ноября 1917 г. вновь пребывал в Козельце, ловя последние новости из Киева: “У нас в Козельце в эти тревожные дни пока тихо. Газеты нет уже третий день. Слухи самые смутные. Говорят, что в Киеве баррикады, проволочные заграждения на всех улицах, частая стрельба, есть жертвы, еврейские магазины будто бы разбиты. Говорят также, будто в Козелец шли большевики, но у деревни Семиполок, где стоят войска, были прогнаны обратно. Хлеба у нас почти нет. Грозит отсутствие хлеба, и даже голод. Но говорят, быть может, “все образумится”⁵⁴. В этом же письме он сообщал о своем выступлении-увещевании перед крестьянским сходом в с. Лемешах по поводу качества и цены реставрации иконостаса в местной церкви⁵⁵. 29 декабря 1918 г. он также писал Шероцкому из Козельца, беспокоясь “не причинят ли взрывы порчи древним церквям и мозаикам”, высказывая пожелание собственными глазами в этом убедиться. Вместе с тем, ученый размышлял: не следует ли ему выехать за границу, в частности в Вену, куда собирался для исследований и его адресат-ученик⁵⁶.

Однако сам Айналов оставаться ни в Киеве, ни в Козельце, как и многие интеллигенты, понимающие, что может их ожидать во власти большевистской анархии, не считал возможным. Наверное, именно с Добрармией Айналов в 1919 г. переместился сначала в Одессу, а затем – в Симферополь, где остался в качестве профессора Таврического университета. Правда, он все же мечтал именно о Киеве. В частности, через профессора Н. Петрова он пытался устроиться в Киевскую Академию (письмо от 4 июля 1919 г.). Правда из письма остается неясным, о чем именно шла речь: о его сотрудничестве в Украинской Академии наук, что в то время было почти невозможным из-за жесткой украинизации УАН вплоть до запрета русского языка в изданиях и указания на необходимость избрания этнических украинцев, или приверженцев национальных традиций науки; или же имелась ввиду Киевская Духовная Академия, что реально также стало невозможным, поскольку именно в 1919 г. КДА

⁵³ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 99, л. 2–3.

⁵⁴ ИР НБУВ, ф. 264, ед. 46, л. 3–3об.

⁵⁵ Там само, л. 1–3.

⁵⁶ ИР НБУВ, ф. 152, ед. 78, л. 5–5об.

официально была закрыта большевистской властью, нависла угроза над ЦАМом и его возможным разграблением, а Н. Петров уже почти совсем ослеп и сильно физически ослаб (он умер 7(20) июня 1921 г.). Не удивительно поэтому, что Дмитрий Власевич так и остался в Симферополе, занимаясь местными древностями: в частности, в 1920 г. он обследовал древности Бахчисарая и Старого Крыма⁵⁷. Лишь в 1921 г. ученый возвратился в Петроград⁵⁸. Здесь у него уже была отобрана его квартира и имущество. Выяснилось, что и дом в Козельце также был занят другими лицами, возвратить его, как и старую петроградскую квартиру, так и не удалось. Эта двойная трагедия стала известна Айналову еще в 1919 г., когда он сообщал Петрову: “Из Петрограда я получил убийственное известие, что вся моя квартира не только реквизирована, но роздана, и я лишен всего, в том числе книг, рукописей, фотографий! В Козельце повторилось то же самое, так что мы теперь абсолютно нищие и одна надежда у нас на Бога”⁵⁹. С немалыми трудами Дмитрию Власевичу все же удалось вернуться в Петроград, найти новое место жительства и устроиться в Эрмитаж.

В начале 1920-х гг. Айналову пришлось вновь посетить Киев, Чернигов, Херсонес и написать несколько трудов о своих поездках: “Слоновая кость из собрания Ханенко” (1922 г.), “Мраморы Херсонеса” (1922), “Отчет о летней командировке в Киев и Троице-Сергиеву лавру: иконы и росписи” (1925 г.)⁶⁰. В 1925 г. ученый подготовил доклад для Русско-византийской комиссии АН “О блюде княгини Ольги”, доказывая, что этот дар имел сакральное предназначение и служил диском, развивая давно “овладевшую” им тему⁶¹. Наверное, в связи с этой деятельностью Айналова появилось желание его киевских коллег добиться его переезда в Киев. В частности, академик ВУАН А. Новицкий именно в 1925 г. предлагал Дмитрию Власевичу занять кафедру истории искусств, говорил о возможности избрания Айналова членом ВУАН и назначения директором Музея западного и восточного искусства семьи Ханенко⁶². В 1926 г. приглашал к сотрудничеству и заведующий Национального музея митрополита Андрея Шептицкого во Львове Илларион Свенцицкий⁶³.

⁵⁷ См.: *Айналов Д.В.* Живопись Бахчисарайского дворца // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927, т. 1, с. 1–4.

⁵⁸ *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 282.

⁵⁹ Микола Петров... Коментарі та додатки..., с. 136.

⁶⁰ *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 283, прим. 196.

⁶¹ Там же, с. 288–289.

⁶² СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 71, л. 1–2.

⁶³ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 85, л. 1–2об.

Постоянно писал Айналову из Киева и Чернигова И. Моргилевский, рассказывая о своих работах и находках (фрагмент наружной росписи Софийского собора княжеского времени, обнаруженный в 1919 г., автор представил план с указанием места находки) и в черниговских храмах (Спаса, соборе Елецкого монастыря), представляя планы, рисунки, чертежи (автор указывал, что имеет 280 негативов домонгольских памятников и 300 – византийских памятников Константинополя; частично его негативы на стекле сохранились⁶⁴)⁶⁵.

Из рукописных докладов редактора отдела искусства Постоянной комиссии по составлению Биографического словаря деятелей Украины Ф. Эрнста 1921 г. становится известным, что он, имея непосредственные контакты с коллегой еще в Симферополе, заручился его согласием принять участие в написании статей для Словаря. Эрнст писал буквально следующее: “Обіцяв взяти на себе кілька біографій проф. Д. Айналов в Симферополі”⁶⁶. В 1922 г. сам Ф. Эрнст побывал в Петрограде, где, по-видимому, должен был лично встречаться в Айналовым, уже перебравшимся туда. Однако в отчетах Эрнста за 1922–1929 гг.⁶⁷, пока он был сотрудником Комиссии, Айналов более нигде не упоминался. Наверное, никаких статей он так и не написал, или же они не были ему заказаны. Имя самого Дмитрия Власьевича также не было включено в перечень статей для Словаря.

Тем не менее, в этот “второй” петроградский период не прекращались связи Айналова и с украинскими научными учреждениями.

В частности, в конце 1920-х гг. (1927, 1929 и 1930 гг.) во время выборов новых академиков по искусствоведению и византистике, харьковский академик В. Бузескул постоянно предлагал кандидатуру Айналова, но во всех трех случаях это оказалось нереальным из-за сильного сопротивления некоторых ответственных лиц⁶⁸.

А в 1930 г., как уже указывалось, к Дмитрию Власьевичу обратился руководитель Постоянной комиссии Всеукраинской Академии наук для составления Биографического словаря деятелей Украины М. Моги-

⁶⁴ *Світлична Н.* Іполит Владиславович Моргілевський: архітектор і дослідник (за матеріалами колекцій негативів та фотографій з фондів Національного заповідника “Софія Київська” // Софійські читання 2005 р. К., 2007, с. 366–372.

⁶⁵ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 61, л. 1–30об.

⁶⁶ ИР НБУВ, ф. X, ед. 5184, л. 3, ед. 5192, л. 13об.

⁶⁷ Там же, ед. 5185–5223.

⁶⁸ *Анфертьева А.Н.* Указ. соч., с. 285; *Тункина И.В.* К истории академических выборов 1929–1930 гг.: Академик С.А. Жебелев. Отзыв об ученых трудах Д.В. Айналова // Невский археолого-исторический сборник. СПб., 2004, с. 176–183.

лянський с предложением представить свою автобиографию и написать статью о древнерусском киевском иконописце Алипии (Алимпии) для Словаря⁶⁹. Как видно из архива Комиссии, фамилия Д. Айналова также попала в словарный список только в 1929 г. с определением “российский историк искусства”⁷⁰. Концептуально изначально речь шла о “деятелях украинского народа и украинской земли”⁷¹. Курьезно, что при этом Айналов был включен в список, а его “герой” Алипий/Алимпий – нет*. Это тем более странно, что руководителем отдела искусств до 1929 г. был уже названный известный искусствовед Ф. Эрнст, а редакторами отдела древнерусского времени – сначала Н. Мирза-Авакянц, затем (с 1921 г.) – В. Пархоменко⁷². Все работы Комиссии были более-менее систематизированы лишь в 1928 г., и с того времени началось планомерное составление словаря на букву “А”. Но лишь в апреле 1929 г. было завершено составление полного списка деятелей на букву “А”, куда внесли и Д. Айналова⁷³. Тогда же искусствоведу предложили написать биографию Алипия/Алимпия, о чем свидетельствует помета в списке потенциальных авторов запланированных статей⁷⁴.

Ученый положительно отнесся к предложению из Киева. Автобиографию (публикуется в настоящем сборнике) он выслал 7 июля 1930 г.; по сведениям учетной книги Комиссии, ее получили 31 июля. В сопроводительном письме к Могилянскому Айналов сообщал (приводим текст письма полностью):

⁶⁹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 60, л. 1–3.

⁷⁰ Постійна комісія УАН-ВУАН для складання Біографічного словника діячів України. 1918–1933. Документи. Матеріали. Дослідження / Упор. С.М. Ляшко. К., 2003, с. 80.

⁷¹ Там само, с. 14.

* В материалах Комиссии: “Перелік прізвищ українських діячів на літери “А” та “Б”. Копії з правками та доповненнями” числиться “Аліпій – чернець-маляр 1860-х рр. у Києві” [ИР НБУВ, ф. X, ед. 5989–5990, л. 3]. Так же эта запись воспроизвела в публикации документов С. Ляшко: “Аліпій – че[р]нець – маляр 1860-х рр. у Києві” [Постійна комісія УАН-ВУАН..., с. 88]. Однако, здесь можно предположить элементарную преднамеренную или случайную опisku того, кто составлял список, тем более, что это всего лишь черновые материалы Комиссии [Постійна комісія УАН-ВУАН..., с. 88 с. 29]. На такую возможность указывать следующие соображения: во-первых, неизвестен киевский монах-художник с таким именем в 60-х гг. XIX в., а во-вторых, хронологические рамки украинских деятелей XIX в. указываются довольно точно, а не расплывчато, как здесь. Поэтому представляется возможным реконструировать данный текст как “Аліпій – чернець-маляр 1060-х рр. у Києві” и связывать его с Печерским иконописцем Алимпием, тем самым, о ком подготовил заметку Д. Айналов (*прим. ред.*).

⁷² Постійна комісія УАН-ВУАН..., с. 16–18.

⁷³ Там само, с. 21.

⁷⁴ ИР НБУВ, ф. X, ед. 4794, л. 22.

“Посылаю пока свою автобиографию⁷⁵ и приложение со списком работ (добавление)⁷⁶. Списки всех работ прислать не могу, но большая часть работ напечатана в сборнике, сделанном моими учениками под названием “Д.В.Айналову от учеников”⁷⁷.

Биографию Алимпия пришлю в очень скором времени.

Будьте любезны сообщить мне Ваше имя, отчество и фамилию.

Вас уважающий Д.Айналов.

7/VII.30

Ленинград.

Фонтанка 34, кв.21”⁷⁸.

А 6 августа того же года Айналов послал в Комиссию “маленькую статью” об Алипии/Алимпии, которая была получена 11 августа⁷⁹. В письме к Могиянскому автор хотя и спрашивал о других возможных персоналиях, о которых он мог бы написать статьи, но отказывался работать быстро (вновь приводим письмо целиком):

“Ленинград

6/VIII. 30.

Фонтанка 34, кв.21

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

Я получил Вашу открытку и посылаю Вам небольшой текст об Алимпии. Жалею, что не могу прислать текст, написанный на машинке, но нигде пока нет переписчиков. В настоящее время не могу представить себе, о каком еще художнике я мог бы написать что-нибудь. Укажите, какие имена Вам нужны. Во всяком случае, “в короткий срок” ничего не берусь написать, т.к. очень занят.

Я и жена интересуюсь, не принадлежите ли Вы к семье черниговских Могиянских, нам хорошо известных⁸⁰.

⁷⁵ Автограф автобиографии Д. Айналова датирован 7 июня 1930 г. (ИР НБУВ, ф. X, ед. 4764, л. 1–7 (с оборотами). Публикуется в настоящем издании Д.Гордиенко.

⁷⁶ В дополнение к рукописной автобиографии Д. Айналов приложил печатную брошюру: Дополнение к списку трудов профессора Д. Айналова. К 35-летию ученой деятельности. 29.XII.1923 – 11.I.1924. Петербург, 1924, 8 с. Список дополнен рукописными добавлениями рукой А.В. Айналова, в которых названо еще 15 публикаций. Публикуется в настоящем издании Д. Гордиенко.

⁷⁷ До публикации дополнительного списка трудов 1924 г. были изданы два библиографических перечня работ ученого: Список трудов Д.В. Айналова 1888 – 29.XII.1913. СПб., 1913; Д.В. Айналову от учеников к 25-летию его ученой деятельности. Пгр., 1915, с. 3–16.

⁷⁸ ИР НБУВ, ф. X, ед. 4763, прил., л. 1.

⁷⁹ ИР НБУВ, ф. X, ед. 4794, л. 52.

⁸⁰ Михаил Могиянский действительно происходил из Чернигова – его отец Михаил Яковлевич был товарищем председателя уголовной палаты Черниговского окружного суда;

*Всего лучшего. Д. Айналов*⁸¹.

По-видимому, вопрос о других персоналиях не был проигнорирован составителями Словаря, поскольку в списке авторов, после указания на получение обеих статей (автобиографии и об Алипии), было приписано еще имя Авдия⁸². Речь шла об Авдии (Овдии) – холмском иконописце и резчике середины XIII в. (украсил в 1259 г. фасады холмского храма Иоанна Златоуста четырехликими капителями с резными рельефами Спаса и Иоанна Златоуста над порталами, которые покрыл позолотой⁸³), имя которого было внесено в списки еще в 1929 г.⁸⁴. Однако о присылке биограммы указанного лица Айналовым никаких известий не обнаружено. Не обнаружена и рукопись его статьи об Алипии/Алимпии. Впрочем, важно то, что в архиве комиссии сохранилась автобиография со списком трудов Д. Айналова. Его же энциклопедическая статья о древнерусском иконописце вряд ли могла содержать что-либо принципиально новое, кроме патериковых упоминаний и общих знаний о нем: Алипий/Алимпий (ок. 1050–17.08.1114, Киев) – древнерусский живописец и позолотчик; обучался с 1084 г. у византийских мастеров, украшавших Успенский собор Киево-Печерской Лавры, принимал участие в мозаических работах; автор икон, в том числе двух сохранившихся чудотворных: Печерской Богоматери с предстоящими Антонием и Феодосием и иконы Богоматери Ярославской, перевезенной Владимиром Мономахом в Ростов (в настоящее время в Третьяковской галерее в Москве); причислен к лику преподобных, мощи почивают в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры⁸⁵. Некой компенсацией утраты текста Айналова могут служить заметки и черновики об Алипии и древнерусской иконописи в архиве ученого⁸⁶.

Обращение Могилянского к Айналову с предложением конкретного сотрудничества происходило в очень напряженный момент и для Комиссии, и для самого Могилянского. В 1929 г. был арестован председатель Комиссии, известный киевский ученый и деятельный член

его сын Михаил родился в Чернигове 22 ноября / 4 декабря 1873 г. См.: *Ляшко С.М.* Керівничий Постійної комісії для складання біографічного словника діячів України М.М. Могилянський: досвід просопографічного дослідження // *Українська біографістика*, вип. 6. К., 2002, с. 136–179.

⁸¹ ИР НБУВ, ф. X, ед. 4765, л. 1.

⁸² Там же, л. 52.

⁸³ См.: *Некрасов А.И.* Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937.

⁸⁴ Постійна комісія УАН-ВУАН..., с. 73, 300.

⁸⁵ *Уманский М.И., Уманский В.И.* Заметки о древнерусском иконописании. Известные иконописцы и их произведения. 1. Алимпий. СПб., 1901.

⁸⁶ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 56.

Президиума ВУАН С. Ефремов, в 1930 г. он был публично осужден по делу “Союза освобождения Украины”. 6 августа 1930 г. в связи с этим делом сам Михаил Михайлович прошел “чистку” перед специальной комиссией во главе с советскими коммунистическими руководителями. В это время была арестована дочь Могилянского Лидия/Лада и осуждена к 10 годам лагерей⁸⁷. В Словарной комиссии был поставлен вопрос о “применении метода диалектического материализма” при подборе и редактировании статей, в частности, включение биограмм коммунистических и советских деятелей, что, собственно, и задержало всю работу: мало того, что такие биограммы трудно было составить, материал оставался закрытым, так еще и трудно было успеть за сменой оценок и репрессиями этих деятелей⁸⁸.

Первый том словаря на букву “А” был подготовлен только к 1932 г. (20 п. л.), но так и не увидел свет, поскольку проверка показала отсутствие статей о революционерах Артеме (Ф. Сергеев), В. Антонове-Овсеенко и др., а в 1933 г. Комиссию ликвидировали, многие из ее членов были репрессированы⁸⁹. Подготовленный к печати том Словаря на букву “А” до сих пор не найден. А все подготовительные материалы, оставшиеся в архиве Комиссии на букву “А”, не содержат статей ни о Д. Айналове, ни об Алипии⁹⁰.

Активнее сотрудничал Айналов с Византологической комиссией Всеукраинской Академии наук, административным руководителем которой являлся бывший профессор Киевской Духовной Академии П. Кудрявцев. Именно он и вел переписку с Айналовым. В 1929 г. Кудрявцев пригласил ученого принять участие в “Византологическом сборнике”, готовящемся в Комиссии⁹¹. Дмитрий Власьевич послал в Киев две статьи: об иконе Николы Мокрого (находилась на хорах Софии Киевской) и образе Богородицы из фондов Лаврского музейного городка. Однако очень скоро Византологическая комиссия была ликвидирована как “идеологически враждебная”, пропагандирующая “церковщину”⁹². Ее сборник так и не вышел; несколько статей из него было включено в рукопись также не вышедших первого и второго томов трехтомного сборника “Україна і Схід”,

⁸⁷ Ляшко С.М. Вказ. праця, с. 162–163, 170.

⁸⁸ ИР НБУВ, ф. Х, ед. 5226, л. 2, ед. 5227, л. 4.

⁸⁹ Постійна комісія УАН-ВУАН., с. 24–26.

⁹⁰ ИР НБУВ, ф. Х, ед. 4791–4794, 4863, 4872, 4875.

⁹¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 44, л. 1–7

⁹² См.: *Чередищенко А.М.* Візантологічні студії Української академії наук (1919 – середина 1930-х рр.). Автореферат ... канд. істор. наук. К., 2009.

но упомянутых статей Айналова там нет⁹³. Тем не менее, в некоторых трудах, помещенных в этом сборнике, Айналов упомянут как византинист. В частности, в обзорной статье В. Бузескула о российской историографии Востока он назван в числе учеников Н. Кондакова, при этом только он один как автор “Эллинистических основ византийского искусства”, “сделавших эпоху” в искусствознании⁹⁴. С другой стороны, в очерке Г. Лозовика о советской византинистике, где говорится и о “Византологической комиссии” ВУАН (к тому времени закрытой), места для Д. Айналова не нашлось⁹⁵. Это, может быть, и к лучшему, поскольку автору пришлось “клеить” идеологические подходы византинистов “старой школы”.

Летом 1931 г. Всеукраинская археологическая комиссия предложила ученому посетить Остер, Козелец и Лемешы для исследования памятников старины⁹⁶. Возможно, это была больше поездка “по следам” прошлого и с целью розысков своего имущества в Козельце. Во всяком случае, результаты этой экспедиции остаются неизвестными ни в научном, ни в бытовом аспектах. В последующие годы Айналов, по-видимому, больше “общался” с Украиной посредством переписки с местными деятелями науки и старыми знакомыми. Мы ничего не знаем о его пребывании в Киеве, Чернигове, Козельце, что, однако, совершенно не исключается.

Изложив всю эту информацию, стоит все же подчеркнуть, что в автобиографии для Словаря деятелей Украины (1930 г.) Айналов писал главным образом о своих зарубежных поездках, изучении искусства разных стран, совсем не акцентируя на Украине, лишь указывая на занятия древнерусским искусством, но не только Киева, а и Новгорода. Как представляется, он специально и не “подстраивался” под тематику Словаря, прислав один из вариантов своей уже существующей автобиографии, акценты которой остались те же. Выходит, сам Айналов, воспринимая саму идею Словаря более через свое творчество и исследовательскую деятельность, никоим образом не реагируя на саму суть проекта о “деятелях Украины”, не раздумывал об этом в принципе и о своем месте среди

⁹³ В сборник вошли такие статьи: *Лозовик Г.* Східня політика Ромульської імперії в VI в.; *Соколов І.* Побутова сторона земельно-господарських стосунків у Візантії; *Шестаков С.П.* До візантійських цін на хліб; *Шестаков С.П.* До питання про рабів у духовницях великих землевласників у Візантії IX–X вв. // ИР НБУВ, ф. X, ед. 14634 (первый том); *Бузескул В.П.* Виучування історії Близького Сходу в Росії; *Лозовик Г.* Виучування Візантії в радянській історичній науці; *Лозовик Г.* Міжнародні конгреси візантологів; *Бузескул В.П.* Некролог Едуарда Мейера; рецензії // ИР НБУВ, ф. X, ед. 14635 (второй том).

⁹⁴ *Бузескул В.П.* Виучування історії..., л. 36

⁹⁵ *Лозовик Г.* Виучування Візантії..., л. 1–44 (второй пагинации).

⁹⁶ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 129, л. 35.

этих деятелей в частности. Однако составители Словаря, конечно, могли расставить необходимые акценты, и если бы первый том Словаря успел выйти в свет, мы имели бы прецедент “украинскости” российского ученого Дмитрия Власьевича Айналова, возникший с его согласия и даже участия.

Сказав кое-что об “украинских сюжетах” в жизни ученого, обратимся к его науке. При этом следует изначально привести его же мысль, высказанную в 1928 г. по поводу своего учителя Н. Кондакова, применимую и к самому автору: “Физическое рождение обуславливает, весьма возможно, только общие свойства работ ...; но идеи, направления, поставленные и разрешенные задачи уже обуславливаются не физическим рождением, а рождением духовным, идейным, сферой интересов, веяний и велений эпохи”⁹⁷. В связи с этим нам остается лишь констатировать, что мы не в праве анализировать тексты Д. Айналова, поскольку нужно быть искусствоведом близкого уровня, чтобы иметь смелость, право и необходимые знания для критического разбора трудов выдающегося ученого. Посему эта часть нашей статьи носит исключительно констатативный, описательный характер.

Украинские сюжеты в творчестве Д. Айналова начались с университетской скамьи, когда в 1886 г. (на третьем курсе историко-филологического факультета Новороссийского университета!) по протекции своего учителя Н. Кондакова он, вместе с соучеником и другом Е. Рединым, получил оплачиваемую командировку от Императорского Русского археологического общества (РАО) в Киев для тщательного изучения фресок и мозаик Софийского собора. Текст после просмотра Н. Кондаковым в 1887 г. уточнялся авторами в Киеве при непосредственной “сверке” главных положений и внесении уточнений во время повторного осмотра Софийского собора⁹⁸. Это классическое даже для нашего время исследование молодых авторов было удостоено золотой медали Новороссийского университета и опубликовано в официальном органе РАО через пару лет⁹⁹. Все, кто ссылается на эту публикацию, не представляют себе, что исследование было написано двумя студентами. Его качество показывает, что Н. Кондаков хорошо знал, кому доверяет столь ответственное и сложное дело, а с его подачи молодым исследователям поверило и знаменитое

⁹⁷ Айналов Д.В. Академик Н.П. Кондаков как историк искусства..., с. 325.

⁹⁸ Анфертьева А.Н. Указ. соч., с. 262, прим. 16.

⁹⁹ Айналов Д.В., Редин Е.К. Киевский Софийский собор. Исследования древней живописи – мозаик и фресок собора // Записки имп. РАО. Новая серия. СПб., 1890, т. 4, вып. 3–4, с. 231–381. Отд. оттиск: СПб., 1889.

научное Общество. Их работа служила пояснением к публикуемым РАО рисункам с мозаик и фресок Ф. Солнцева. Из позднейшего письма Айналова к Алексею Петровичу Новицкому (от 30 июня 1930 г.) видно, что авторам кроме натуры и копий Ф. Солнцева, пришлось пользоваться копиями фресок, сделанными киевским иконописцем отцом Иосифом Желтоножским. Ученый сообщал, что “Эти копии находились у него (т.е., Желтоножского – В.У.) на Подоле (Александровская церковь)”¹⁰⁰. Автор ошибся – на самом деле это была Рождественская церковь, имевшая к тому времени неофициальное название “Шевченковой”, поскольку именно в ней 6–7 мая 1861 г. отец Иосиф вместе с Петром Лебединцевым отпевали Тараса Шевченко во время перенесения его гроба из Петербурга в Канев. Иосиф Желтоножский был настоятелем этого храма в 1853–1899 гг., здесь же он учредил иконописную мастерскую, одновременно он был преподавателем иконописи в Киевской духовной семинарии.

До появления работы Айналова – Редина изучение Софийского собора находилось на весьма посредственном уровне. Сделанные Солнцевым рисунки с фресок (около 80) готовились к изданию с 1853 г. Проект был весьма дорогостоящим, деньги удалось собрать лишь через несколько десятилетий. Объяснительный текст к рисункам взялся составить И. Срезневский, который вскоре отказался от работы в пользу сына В. Срезневского, но и он не написал текст. Тем временем вышло уже четыре выпуска рисунков без сопроводительного текста. Патовую ситуацию переломил Н. Кондаков, проведший и опубликовавший исследование о фресках лестниц Софийского собора (рассматривал их как отражение исключительно византийских реалий быта и церемоний, опираясь на аналог росписей в Палатинской капелле Палермо)¹⁰¹, которое вызвало возражение председателя РАО графа А. Бобринского¹⁰². И вот уже после этого появилось комплексное исследование Айналова – Редина, представившее концепцию всех мозаик и фресок Софии. Ученики, естественно, поддержали и развили концепцию учителя (в частности, об отражении цикла византийских зимних праздников в сюжетах фресок башен собора), да он и сам, как указывалось выше, проработал и откорректировал их текст. Сокращенный вариант исследования соавторов увидел свет в специализированном

¹⁰⁰ ИР НБУВ, ф. 279, ед. 1075, л. 1.

¹⁰¹ Кондаков Н.П. О фресках лестницы Киево-Софийского собора // Записки имп. РАО, 1888, т. 3, вып. 3–4, с. 287–306.

¹⁰² Бобринский А.А. Об одной из фресок лестницы Киево-Софийского собора // Записки имп. РАО, 1888, т. 3, вып. 3–4, с. 81–82.

искусствоведческом издании¹⁰³. А в архиве Айналова сохранилась подборка фотографий софийских мозаик¹⁰⁴. В дальнейшем концепция Д. Айналова относительно софийских фресок уточнялась автором, но его первая работа остается в золотом фонде киевского софиеведения.

Очень важной концептуальной работой Д. Айналова совместно с Е. Рединым стала книга, рассматривающая три важнейшие киевские древнерусские святыни – Софийский собор, Михайловский Златоверхий собор и Кирилловскую церковь¹⁰⁵. Киево-Печерская лавра первоначально появилась в трудах Айналова в качестве его рецензии на книгу протоиерея П. Лебединцева “Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и настоящем” – написанная в 1896 г. рецензия осталась либо не опубликованной, либо же нам просто не удалось отыскать ее публикацию (в официальных списках трудов ученого она также отсутствует)¹⁰⁶.

Как уже указывалось, Айналов с 1900 г. и до последних лет жизни интересовался деятельностью княгини Ольги, в частности ее путешествием в Царьград с дарами. Целую “обойму” исследований на указанную тему ученый выдал во время XII Археологического съезда в Харькове: о путешествии Ольги в Царьград, о ее даре в ризницу Софии Константинопольской и о мраморной резьбе Десятинной церкви (здесь была погребена Ольга) и Софии Киевской¹⁰⁷. А в 1904 г. он опубликовал в редактируемом киевским профессором М. Довнар-Запольским сборнике специальное исследование на эту тему¹⁰⁸. Его перу принадлежит и обобщающий раздел об искусстве Киевской Руси в том же сборнике¹⁰⁹. Княгиня Ольга, как мы уже знаем, осталась его любимой героиней на всю жизнь. Среди рукописей ученого ей посвящено немало работ и заготовок

¹⁰³ Айналов Д., Редин Е. Мозаики и фрески Киево-Софийского собора // Вестник изящных искусств, 1890, т. 8, с. 569–585.

¹⁰⁴ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 146, л. 1–11.

¹⁰⁵ Айналов Д., Редин Е. Древние памятники искусства Киева: Софийский собор, Злато-верхо-Михайловский монастырь и Кирилловский монастырь // Труды Педагогического отделения Харьковского историко-филологического общества. 1900, вып. 6, с. 1–58. Отд. изд.: Харьков, 1899, 62 с.

¹⁰⁶ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 14.

¹⁰⁷ Айналов Д.В. Дар св. княгини Ольги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905, т. 3, с. 1–4; Айналов Д.В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905, т. 3, с. 5–11; Айналов Д.В. Княгиня св. Ольга в Царьграде // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905, т. 3, с. 12–20.

¹⁰⁸ Айналов Д.В. Княгиня Ольга в Царьграде // Книга для чтения по русской истории / Ред. М.В. Довнар-Запольского. М., 1904, т. 1, с. 202–215.

¹⁰⁹ Айналов Д.В. Искусство Киевской Руси // Книга для чтения по русской истории / Ред. М.В. Довнар-Запольского. М., 1904, т. 1, т. 1, с. 561–587.

к ним: “Русские князья и послы при Царьградском дворе. Ольга в Царьграде”¹¹⁰, “Крест св. Ольги”, “Икона св. Ольги” и рукопись опубликованной статьи “Блюдо св. Ольги”¹¹¹.

Харьков и Екатеринослав в творчестве Айналова появились в связи с весьма экстравагантной, казалось бы темой – восточными металлическими зеркалами. Но эта экстравагантность обманчива: ученый показывал, как киево-русские мастера успешно адаптировали наследие сасанидского Востока, романского Запада, Кавказа, античных центров и Византии¹¹².

В личностном плане Айналову во всех отношениях был ближе древний Чернигов, который он всегда посещал, пребывая в своем имении в близлежащем Козельце. Однако только в 1906 г., в связи с подготовкой XIV Археологического съезда в Чернигове, ученый специально обратился к изучению архитектуры древних черниговских храмов и подготовил специальное исследование¹¹³.

Иногда в его публикациях появлялась Полтава, к которой он имел какое-то отношение (в смысле проживания в городе в детстве, почему даже возникло предание о его рождении в Полтаве)¹¹⁴. В постоянном творческом напряжении держал ученого также Херсонес и его древности¹¹⁵. Однако Киев все же чаще возникал на страницах исследований Айналова¹¹⁶. В частности, ученый попытался решить вопрос об объемах строительной (в первую очередь храмов) деятельности кн. Владимира¹¹⁷. В самом начале Первой мировой войны ему удалось опубликовать монографию о Киеве как центре развития древнерусского искусства¹¹⁸. А в Петрограде в 1918 г. появился новый вариант общей с покойным

¹¹⁰ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 25.

¹¹¹ Там же, ед. 29.

¹¹² *Айналов Д.В.* Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний // Записки имп. Харьковского университета. 1903, кн. 3, прил. с. 113–116; *Айналов Д.В., Катанов Н.Ф.* Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний // Труды Харьковского Предварительного комитета XII Археологического съезда. М., 1902, т. 1, с. 466–474.

¹¹³ *Айналов Д.В.* Архитектура черниговских храмов // Труды Черниговского предварительного комитета по устройению XIV Археологического съезда в Чернигове. Чернигов, 1908, с. 168–175.

¹¹⁴ *Айналов Д.В.* Полтавский клад // Искусство, 1912, с. 279–281.

¹¹⁵ *Айналов Д.В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды МАО, 1916, т. 25, с. 67–88.

¹¹⁶ *Айналов Д.В.* Заметка о киевском кладе 1824 г. // Записки Русского отделения РАО, 1915, т. 11, с. 1–8.

¹¹⁷ *Айналов Д.В.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого и равноапостольного князя Владимира. Пг., 1917, т. 1, с. 21–39.

¹¹⁸ *Айналов Д.В.* История древнерусского искусства. Вып. 1. К.-Пг., 1915.

в то время Е. Рединым работы о мозаиках и фресках Софии Киевской¹¹⁹. Во время революционной бури ученый очень волновался о судьбе памятников старины и их сохранности, в особенности в древнем Киеве¹²⁰. Буквально на излете возможностей публикаторской деятельности во время революции, в 1919 г. Айналов смог издать обобщающее исследование по истории древнерусского искусства. Интересен его подзаголовок: Киев – Царьград – Херсонес¹²¹. На первое место поставлен Киев, хотя логика развития искусства имела другую последовательность: Царьград – Херсонес – Киев. В этой работе Айналов первым атрибутировал сюжет фресок южной башни Софийского собора как прием княгини Ольги византийским императором Константином Багранородным. Ольгина тематика “торжествовала”, и в этой гипотезе приобрела характер “апофеоза” во всем творчестве Айналова относительно “ольгиноведения”. Позже именно эту идею развивал С. Высоцкий, но выводы обоих ученых кардинально пересмотрела уже в наше время Н. Никитенко¹²².

В дальнейшем ученый изучал также проблемы сношений Киева с Западной Европой. В частности, в начале 1920-х гг. он подготовил статью “Эпизод из сношений Киева с Западной Европой”, в которой обсуждал вопрос об изгнании кн. Изяслава из Киева, доказывая, что именно его, а не его сына Ярополка Папа Григорий VII интронизировал на киевский престол, рассматривал роль в судьбе Изяслава императора Генриха IV и польского короля Болеслава, а также выдвинул многочисленные гипотезы о памятниках искусства того времени, в частности о строительстве церкви св. Иакова и Гертруды в Регенсбурге¹²³. Интересно, что именно эту статью в 1929 г. Айналов предлагал к публикации в киевском “Византологическом сборнике” П. Кудрявцеву. В сборник ее поместить (по тематике) не удалось, но появилась надежда на публикацию в “Чтениях Исторического общества Нестора Летописца”¹²⁴, однако они также были закрыты, как и сама Византологическая комиссия¹²⁵, а также Историческое

¹¹⁹ Айналов Д., Редин Е. Мозаики и фрески Киево-Софийского собора // Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб., 1918, т. 12, с. 562–597.

¹²⁰ Айналов Д. Судьба киевского художественного наследия // Записки Русского отделения РАО, 1918, т. 12, с. 23–39.

¹²¹ Айналов Д. История древне-русского искусства (Киев – Царьград – Херсонес) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920, т. 57, с. 136–248.

¹²² См.: Никитенко Н.М. Свята Софія Київська: історія в мистецтві. К., 2003.

¹²³ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 74, л. 1–5.

¹²⁴ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 44, л. 6–7.

¹²⁵ См.: Циганкова Е. Византологічна комісія ВУАН // Київська старовина, 2003, № 3.

общество Нестора-летописца¹²⁶. Эта статья появилась в печати в Ленинграде почти через семь лет¹²⁷.

Одну статью Д. Айналов успел издать на украинском языке, чем подчеркивалась его связь с новообразованной Украинской Академией наук и учеными Украинского научного общества в Киеве. Эта статья также касалась Киева и Украины, была посвящена “Слову о полку Игореве”, в частности, рассмотрению сюжета о перевозке раненных между двумя лошадьми, как это практиковалось на средневековом Западе¹²⁸. Дальнейшие исследования Айналова о “Слове” были посвящены “сну Святослава”, в частности о “бусовых вранях”, о скороминущем “зле” (рукопись этого труда датирована 1917 г., а значит, она была написана в Козельце¹²⁹)¹³⁰. Особо Айналов останавливается на упоминании “злата стола”, указывая, что при княжьей резиденции должны были находиться золотых дел мастера и рассматривая символику золотых вещей князьего парадного обихода. Ученый специально останавливался на словосочетании “жемчужная душа” и упоминании о “златом ожерелье”, атрибутируя его как золотую нашейную гривну¹³¹. Оригинальным было его превращение фразы “пасет птиц подобю” в “пасет птиц под облакы”, что соответствовало изречению Соломона в древнерусском сборнике “Пчела”: кто утверждает ложью, тот пасет ветры и птиц крылатых¹³². Во фразе “два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста” ученый видел образное предречение плена и гибели князей¹³³. Наконец, Айналов специально рассмотрел также “Плач Ярославны” и вопрос о музыкальном инструменте Бояна¹³⁴. В архиве ученого сохранилось еще несколько его

¹²⁶ См.: *Колесник М.* Историчне товариство Нестора-літописця: основні етапи і напрями діяльності (1872–1931 рр.) // УГЖ, 1989, № 9, с. 50–56.

¹²⁷ *Айналов Д.В.* К истории древнерусской литературы. 1. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой // ТОДРЛ. Л., 1936, т. 3, с. 5–12.

¹²⁸ *Айналов Д.В.* Дві замітки до “Слова о полку Игореве” // Записки історичної і фільмологічної секції Українського наукового товариства в Києві. 1918, т. 17, с. 92–97.

¹²⁹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 59, л. 1–12.

¹³⁰ *Айналов Д.В.* Сон Святослава в “Слове о полку Игореве” // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1928, т. 1, кн. 2, с. 477–482.

¹³¹ *Айналов Д.В.* Замечания к тексту Слова о полку Игореве // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934, с. 103–112.

¹³² *Айналов Д.В.* Замечания к тексту Слова о полку Игореве // ТОДРЛ, 1935, т. 2, с. 81–94.

¹³³ *Айналов Д.В.* К истории древнерусской литературы. 3. Замечания к тексту “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ, 1936, т. 3, с. 21–25.

¹³⁴ *Айналов Д.В.* Заметки к тексту “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ, 1940, т. 4, с. 151–158. Анализ трудов ученого о “Слове о полку Игореве” см. в статье О.В. Творогова в: Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. СПб., 1995, т. 1: А–В, с. 43–44.

неизданных трудов по “Слову”: замечательная работа 1938 г. “Иллюстрации к описанию похода князя Игоря в Радзивилловской летописи”¹³⁵, статья “Возни стрикусы” (автор предлагает читать это выражение как “возпи со трубы”)¹³⁶.

Никогда не оставлял Д. Айналов и темы о знаменитых киевских памятниках – Софийском соборе и Михайловском Златоверхом монастыре, фрески и мозаики которых были его излюбленными сюжетами, к каковым он циклично возвращался на протяжении почти всего своего творчества. В 1925 г. ученый подготовил новое исследование знаменитых Михайловских мозаик, полностью описав сохранившиеся мозаики, поскольку в литературе речь шла только о композиции Евхаристии. Айналов сравнивал все михайловские сюжеты с хорошо известными ему аналогами мозаик Равенны и Рима¹³⁷. Через год его исследование увидело свет на немецком языке в Вене¹³⁸. Отрадой для Айналова в 1930 г. стал перевод его книги по древнерусскому искусству одним из немецких издательств (в архиве ученого сохранился русский текст только первого тома¹³⁹). Сама книга вышла в свет в 1932–1933 гг.¹⁴⁰.

Еще одной “киевской” и “около киевской” темой для Айналова была жизнь и судьба св. князей Бориса и Глеба. В частности, он готовил интересный труд о легендарной поездке братьев в Константинополь¹⁴¹. Рассмотрению истории Бориса и Глеба в “Чтениях” и “Сказании” летописца Нестора ученый посвятил отдельное исследование, считая именно эти памятники письменности особо значимыми в данном вопросе. При этом Айналов привлекал к анализу также составленный митрополитом Иоанном текст службы святым князьям, который, по мнению исследователя, подтверждает сведения Нестора и увеличивает их ценность как источника¹⁴². Специальную публикацию учений посвятил рассмотрению миниатюр цикла Сказания о Борисе и Глебе одного из рукописных сборников¹⁴³.

¹³⁵ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 77, л. 1–5, ед. 163, л. 1–16.

¹³⁶ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 60, л. 12–17об.

¹³⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 67, л. 1–40.

¹³⁸ *Ainalov D.* Die Mosaiken des Michaelklosters in Kiev // *Belvedere*. Wien, 1926, september, bd. 9–10, S. 201–216.

¹³⁹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 72.

¹⁴⁰ *Ainalov D.V.* Geschichte der russischen Kunst. Berlin, Leipzig, 1932–1933, bd. 1–2.

¹⁴¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 26, л. 1–11.

¹⁴² СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 76.

¹⁴³ *Айналов Д.В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры “Сказания” о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // ИОРЯС, 1911, т. XV, кн. 3, с. 1–128.

Борисо-глебскую тематику Д. Айналов активно обсуждал в переписке с исследователем древнего Вышгорода киевским/нежинским историком В. Ляскоронским. Еще в 1911 г. Д. Айналов получил от него для прочтения рукопись его книги о древнем Вышгороде. Обоих ученых интересовал не только Вышгород, но древняя церковь, где были погребены Борис и Глеб. Искусствовед писал историку 27 января 1912 г.: “У меня, не скрою, поднимались частью такие же вопросы, какие поднимаете и Вы, но я решал их иначе, о чем подробно напишу во второй части моей работы”. Речь шла о новгородской иконе (создана до 1545 г.), где были изображены киевляне, пришедшие к Борису в его стан на Лету и звавшие на престол, но он не пошел против старшего брата Святополка. Айналов делал вывод о разделении киевлян на два лагеря – сторонников Святополка и сторонников Бориса, при этом дружина Бориса после его отказа идти на Киев, оставила князя. По мнению Айналова, ни Святополк, ни Борисова дружина не были заинтересованы в погребении Бориса в Киеве, что могло привести к мятежу, посему его похоронили в Вышгороде. Искусствовед видел большую сложность в объяснении непогребения Глеба Ярославом в родовой усыпальнице в Киеве, он также не перенес сюда и Бориса. Ученый объяснял это так: “с именами Бориса и Глеба связывались кровавые распри киевских партий, выступление киевлян против самого Ярослава, победа Ярослава над Святополком”, потому Ярослав “находит средний выход, встречает в Киеве тело Глеба и с торжеством несет в Вышгород, “к брату”, и некоторое время ничего не предпринимает по отношению к телам обоих братьев”. Настораживает и “забвение” вышгородцев о могиле Бориса и Глеба до тех пор, “пока настало время о них говорить”¹⁴⁴. Для Айналова не решенным оставался вопрос о древней вышгородской церкви св. Василия. Он не только не считает ее патрональной кн. Владимиру – Василию, крестителю Руси, но и самого патрона князя производил не от св. Василия Кесарийского, а от херсонского мученика “Василевса”, храм которого был известен в Корсуне. Посему и в Киеве, и в Вышгороде должны были быть церкви не Василия, а св. Василевса, культ которого был принесен кн. Владимиром. Писал Айналов и о своем мнении относительно происхождения названия подольской церкви Богородицы “Пирогощей” от греческого определения Богоматери (нерушимая стена), он присутствует в греческих песнопениях,

¹⁴⁴ ИР НБУВ, ф. III, ед. 47299, л. 2–4. Письмо полностью публикуется в настоящем сборнике Д. Гордиенко.

но пока неизвестен в царьградской иконографии¹⁴⁵. Ляскоронский попытался учесть замечания Айналова в опубликованном варианте исследования, которое с благодарностью подарил Дмитрию Власьевичу¹⁴⁶.

Д. Айналова также очень интересовал до сих пор не разрешенный вопрос о месте нахождения мощей Бориса и Глеба. Ляскоронский собрал для него библиографию вопроса, в частности труды смоленского исследователя С. Писарева и киевского профессора Н. Петрова¹⁴⁷. Эта тема была продолжена В. Ляскоронским в письмах 1925 г., когда он работал над Эдмундовой сагой и обсуждал свои идеи с Айналовым. В частности, киевский историк интересовался мнением искусствоведа о драгоценной гривне и ее ношении не слугой Бориса Георгием Угрином, а самим князем, посему именно Борису убийцы отрубили голову, дабы завладеть гривной. Ляскоронский считал, что голова Бориса была погребена в Десятинной церкви, а туловище – в Борисполе, близ места самого убийства: варяги принесли Ярославу лишь голову, поэтому Ярослав и Эймунд скрыли убийство Бориса¹⁴⁸. Работа Ляскоронского заинтересовала Айналова, и он предложил прочесть ее в качестве доклада в одном из научных собраний Ленинграда¹⁴⁹.

Все сказанное – лишь слабый ответ того грандиозного интеллектуального багажа, который оставил науке Д. Айналов.

Ныне, как и на протяжении 73 лет после смерти Д. Айналова (умер 12 декабря 1939 г.), весьма актуальным остается вопрос об издании всего корпуса его трудов, как публиковавшихся (со сверкой по рукописям), так и оставшихся в авторском портфеле, а также его дневниковых записок о путешествиях, мемуаров и переписки. Этот выдающийся исследователь составляет целую эпоху в изучении многих вопросов истории искусства нескольких континентов. Его философский, синтетический склад ума и уникальная способность видеть не только отдельный предмет или проблему, но и большие эпохи целиком во всех ракурсах и гранях в настоящее время не имеет столь же талантливых последователей. А посему тексты Д. Айналова во всей их полноте остаются актуальными и могут способствовать значительному прорыву не только в искусствоведении, но и в гуманитаристике Восточное Европы в целом. Однако по-

¹⁴⁵ ИР НБУВ, ф. III, ед. 47299, л. 5–5об.

¹⁴⁶ Ляскоронский В.Г. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Пг., 1913.

¹⁴⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 2, ед. 53, л. 1–2 (письмо от 28 февраля 1912 г.).

¹⁴⁸ Там же, л. 3–6об. (письмо от 17 декабря 1925 г.).

¹⁴⁹ Там же, л. 7–7об. (письмо от 10 ноября 1925 г.).

смотрим на Д. Айналова шире, приведя весьма точные и в наше время слова современника и соученика ученого Я. Смирнова: “Теперь в области изучения византийского искусства ни один добросовестный западноевропейский автор без русской литературы обойтись не может”¹⁵⁰. Следовательно, указанное издание будет большим подарком для науки в ее интернациональном смысле.

И все же хочется закончить тем, с чего начиналась статья – украинским сюжетом в творческом наследии Дмитрия Власьевича Айналова. В этом смысле нельзя не пожелать, чтобы была издана хотя бы рукопись его труда об украинском искусстве XIV–XVIII вв.¹⁵¹

---

¹⁵⁰ Институт истории материальной культуры (СПб.). Архив, ф. 11, ед. 86, л. 2.

¹⁵¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 737, оп. 1, ед. 40, л. 1–22.